

УДК 811.511.131'36

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-299-309

Грамматическая избыточность личных местоимений в удмуртском языке

Т. В. Пантюхина

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация,
tatyanaudvu@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению грамматической избыточности удмуртских личных местоимений в диалогической и монологической формах устной речи. Установлено наличие зависимости исследуемого лингвистического феномена от: а) жанра коммуникативного акта; б) формы (диалогическая / монологическая) передачи информации. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью роли удмуртских личных местоимений в устном дискурсе.

Цель: выявить особенности грамматической избыточности удмуртских личных местоимений как лингвистического явления.

Материалы исследования: опубликованные образцы диалектной речи и фольклорные тексты, которые были записаны разными исследователями в 1976–2005 гг.

Результаты и научная новизна. В работе впервые определяется степень присутствия грамматической избыточности личных местоимений в диалогической и монологической формах устной речи. На основе анализа было установлено, что общий уровень избыточности составляет примерно 30–40 % (в ряде случаев он может достигать 60–70 %; в пересказанных текстах плеоназм не превышает 20 %).

Частотность плеонастического употребления личных местоимений зависит от тематики текста, прямого или опосредованного участия говорящего в событиях. Грамматические значения 1 и 3 лица дублируются вне зависимости от формы устной речи. Это является результатом проявления «эгоцентризма» устной речи, с одной стороны, и вызвано потребностью говорящего и / или слушающего удерживать в общем «поле зрения» объект / объекты речи, с другой. Грамматическое значение 2 лица получает двойное маркирование только в диалогах, что позволяет подчеркнуть равноправие участников коммуникативного акта.

Научная значимость исследования заключается в том, что получено представление о характере избыточности личных местоимений в устной речи и о факторах, влияющих на уровень грамматического плеоназма в удмуртском языке.

Ключевые слова: устный дискурс, диалог, монолог, предикативное согласование, языковой эгоцентризм

Благодарности: Автор выражает благодарность научному консультанту, доктору филологических наук, профессору Н. В. Кондратьевой за ценные советы, рекомендации, которые позволили повысить качество статьи, а также анонимным рецензентам за полезные замечания.

Для цитирования: Пантюхина Т. В. Грамматическая избыточность личных местоимений в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 299–309.

Grammatical redundancy of personal pronouns in the Udmurt language

T. V. Pantyukhina

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
tatyanaudvu@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of grammatical redundancy of Udmurt personal pronouns in dialogical and monological forms of oral speech. It has been established that the linguistic phenomenon under study depends on: a) the genre of the communicative act; b) the form (dialogic / monologue) transmission of information. The relevance of the study is due to the poorly understood role of Udmurt personal pronouns in oral discourse.

Objective: to identify the features of grammatical redundancy of Udmurt personal pronouns as a linguistic phenomenon.

Research materials: published samples of dialect speech and folklore texts that were recorded by different researchers in 1976–2005.

Results and novelty of the research: for the first time, the degree of grammatical redundancy of personal pronouns in the dialogical and monological forms of oral speech is determined. Based on the analysis, it was found that the overall level of redundancy is approximately 30–40% (in some cases it can reach 60–70%; in the retold texts, the pleonasm does not exceed 20%).

The frequency of the pleonastic use of personal pronouns depends on the subject of the text, the speaker's direct or indirect participation in the events. Grammatical meanings of the 1st and 3rd person are duplicated regardless of the form of oral speech. This is the result of the manifestation of the "egocentrism" of oral speech, on the one hand, and is caused by the need of the speaker and / or listener to keep the object/objects of speech in the general "field of vision", on the other. The grammatical meaning of the 2nd person is double-labeled only in dialogues, which makes it possible to emphasize the equality of the participants in the communicative act.

The scientific significance of the study lies in the fact that an idea has been obtained about the nature of the redundancy of personal pronouns in oral speech and about the factors influencing the level of grammatical pleonasm in the Udmurt language.

Key words: oral discourse, dialogue, monologue, predicative coordination, linguistic egocentrism

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the scientific consultant, Doctor of Philological Sciences, Professor N. V. Kondratyeva for valuable advice and recommendations that improved the quality of the article, as well as to anonymous reviewers for useful comments.

For citation: Pantyukhina T. V. Grammatical redundancy of personal pronouns in the Udmurt language // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 299–309.

Введение

Языковая избыточность традиционно рассматривается как наличие в системе языка двух и более знаков для передачи одного и того же содержания [2, 7]. Данное лингвистическое явление не следует рассматривать как элемент бинарной оппозиции: негативная точка зрения зачастую возникает на традиционном противопоставлении избыточности и языковой экономии, когда они рассматриваются в качестве двух полярных явлений и подвергаются экспрессивному восприятию: экономия представляется как положительное, гармоничное, естественное развитие языка, в то время как избыточность трактуется как нечто отрицательное, расточительное, чрезмерное [4, 108; 9, 35; 14, 143]. Наличие плеонастических элементов в тексте (письменном либо устном) лингвистами признается универсальным явлением. Весомые результаты в изучении данной темы достигнуты в традициях русского языкознания [3; 4; 5; 9; 14]. В зарубежном языкознании ведутся типологические исследования степени избыточности языков и уровня сложности их освоения обучающимися [24].

В основе лингвистического плеоназма, по мнению В. А. Звегинцева, лежит «появление образа слушающего» [10, 251], собеседника, читателя. Повторение лексических или

грамматических значений даёт говорящему возможность акцентировать внимание на различных элементах структуры высказывания, придавая им необходимую модальность и стилистическую выразительность. Языковая избыточность, по утверждению исследователей, особенно важна в устной коммуникации, так как она помогает избежать неоднозначности или искажения передаваемых сведений [4, 108; 6, 57; 7, 100], т. е. облегчает референтную идентификацию объекта сообщения. Таким образом, лингвистическая избыточность часто призвана быть полезной. Лишь неуместное применение плеоназмов и тавтология признаётся исследователями как речевой недостаток [1, 120].

Рассматриваемое явление может проявляться на всех уровнях языка: от фонетического до синтаксического, но среди них больше распространены лексическая (семантическая) и грамматическая избыточность. Дублирование смыслового содержания проявляется в использовании повторов, синонимических рядов, плеоназма. Их применение в качестве стилистических приемов присуще природе художественной литературы. Так, О. Филиппова отмечает, что редупликация для автора является важнейшим средством выдвижения на первый план концептуально значимых фрагментов художественного текста,

а для читателя становится одним из ключевых приёмов в интерпретации произведения [22, 276].

Намеренный повтор грамматических форм заложен в самой языковой системе, поскольку существуют значения, которые неизменно передаются дублированием той или иной формы, вне зависимости от содержания конкретного высказывания. Грамматическое удвоение категории лица при употреблении личных местоимений удмуртского языка до сих пор не становилось объектом анализа. Данная статья посвящена исследованию вопросов плеонастической маркировки категории лица в двусоставных клаузах¹ с тематической вершиной – личным местоимением. В современном удмуртском языке значение лица и числа представлено морфологической формой глагола, поэтому односоставные и неполные предложения со сказуемым, выраженным финитным глаголом, передают вполне адекватную информацию о субъекте действия. Тем не менее, письменная и устная речь изобилуют и двусоставными предложениями с личными местоимениями в роли подлежащего.

Объектом анализа послужили синтаксические конструкции, в которых категория лица имеет двойную реализацию. Для выяснения степени грамматической избыточности личных местоимений удмуртского языка в устном дискурсе решались следующие задачи: а) определение синтагм с обязательной и факультативной избыточностью выражения категории лица; б) определение степени грамматической редупликации лица в предложениях с факультативной избыточностью; в) выявление возможных причин и зависимости намеренного повтора каждого собственноличного местоимения от вида и жанра устного дискурса.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужили опубликованные диалектные и фоль-

клорные материалы из следующих изданий: В. К. Кельмаков «Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры» [12], Л. Л. Карпова «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» [11], Т. Г. Владыкина и др. «Ми ум вераське – лул-сюлэм вера...» = «Не мы говорим – душа говорит...» [15]. Их близость к спонтанной речи не вызывает сомнения. В первых двух сборниках [11; 12] представлены транскрибированные и переведенные на русский язык тексты монологического характера (М); третье издание [15] содержит диалоги (Д), переданные посредством современной орфографии, но с сохранением фонетических, лексических, грамматических особенностей говорков. Перевод примеров из последней книги осуществлен автором статьи максимально близко к оригиналу. Исследуемые тексты были записаны самими исследователями, а также участниками диалектных и фольклорных экспедиций в 1976–2005 гг.

Для достижения поставленной цели методом сплошной выборки отобраны лингвистические данные в текстах монологического и диалогического характера: двусоставных предикаций с подлежащим (личным местоимением) и односоставных, двусоставных неполных грамматических основ. Проведён количественный анализ двусоставных клауз и их «экономичных» аналогов. При описании и интерпретации полученных результатов использован сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты

В удмуртском языке грамматическую избыточность можно наблюдать в следующих синтаксических конструкциях:

1. Дублетное отрицание в синтагмах с лексическим и грамматическим отрицанием: *Коркалы номыр öвёл луэмын / номыр луымтэ* ‘Дому ничего не стало’. Подобные клаузы избыточны на 100 %, поскольку во всех сочетаниях с отрицательным местоимением или наречием требуется аналогичная форма

¹ Для обозначения минимальной единицы устного дискурса в лингвистической литературе также используются такие термины как: фраза, интонационная группа, интонационная единица (Chafe 1994: 57), синтагма (Щерба 1955: 88) (цит. по: [13, 139]). А. А. Кибрик и В. И. Подлесская вводят термин «элементарная дискурсивная единица» (ЭДЕ) [13, 139]. В анализируемом нами материале тексты уже разбиты на предложения, поэтому применение в данной работе термина «предложение» также считаем уместным.

глагола-сказуемого [25, 77]. Заменить отрицательный квантор без ущерба для семантики предложения невозможно. Рассматриваемая разновидность представляет собой случай обязательной избыточности¹. С точки зрения диахронии данный тандем берёт начало ещё в финно-угорском языке-основе: в отрицательных предложениях со служебным отрицательным глаголом прежде использовались вопросительные прономинативы, к которым впоследствии присоединились отрицательные аффиксы, тем самым образовав местоимения и наречия с соответствующей семантикой [16, 294–295]. Финский исследователь Р. Бартенс отмечает возможность тройной негации в составе одной клаузы и приводит пример из коми языка: *Nekodly ninöm vištavtög* [21, 170] ‘Никому ничего не говори’. Аналогичные случаи характерны и для удмуртского языка, однако можно составить предложения и с большим числом компонентов², например, *Нокин ноку номыр уз тоды* ‘Никто никогда ничего не узнает’.

2. Дублирование в выражении числа у имён существительных при сочетании с количественным числительным больше одного является примером факультативной грамматической избыточности. До недавнего времени нормой для удмуртского языка являлось использование формы единственного (абсолютного) числа имён существительных, что унаследовано от финно-угорского языка-основы. Однако под влиянием русского языка появился вариант словосочетаний с показателем множественности *-ос (-ёс)*. Как правило, суффикс мн. ч. может присоединять имена существительные, обозначающие живых существ: *Аудиториын дас студентъёс пуко* [23, 53] ‘В аудитории сидят десять студентов’. Но не исключены случаи осложнения плюралным маркером и неодушевлённых

существительных: *30 адями 7 бадъым машинаосын вуэмын вал* [8] ‘30 человек (в ед. ч.) прибыли на 7 больших машинах (во мн. ч.)’. Двойное выражение множественности по подсчётам О. Б. Стрелковой в письменных текстах представлено приблизительно в 27 % оборотов с числовым обозначением количества [19, 179].

3. Плеоназм грамматического значения лица может иметь обязательное или факультативное выражение:

а) в 100 % случаев избыточность возникает в предикативных сочетаниях с подлежащим, выраженным личным местоимением вторичного происхождения³: *<...> огдэсты огды ас'тэос шэд'тис'коды*. ‘<...> друг друга [будущие супруги] вы сами находите’ [12, 160]. В подобных элементарных дискурсивных единицах грамматическая категория лица и числа всегда выражена словоформой глагола, но, поскольку вторичные личные местоимения имеют дополнительное (абстрактное либо конкретное) значение, преобразование двусоставных предложений в односоставное без утраты всех семантических тонкостей (в данном примере – усиление значения лица, указание на самостоятельность субъекта) не представляется возможным;

б) иная картина наблюдается в употреблении личных местоимений первичного происхождения, они присутствуют в клаузах спорадически, их можно опустить без ущерба для значения. Факультативная избыточность проявляется в таких случаях, как:

– согласование компонентов изафетных словосочетаний, когда определением выступает личное местоимение в генитиве либо аблативе, принадлежность объекта чаще всего выражается дважды, добавляется лично-притяжательный суффикс: *тйляд кырзамды* (= *кырзамды*) ‘ваше пение’, *мынэсьтым киме* (= *киме*) ‘мою руку’;

¹ Подобные явления Н. С. Жукова классифицирует как обязательную избыточность. Например, в немецком языке предложения непременно должны быть двусоставными, поэтому морфологические категории лица и числа выражаются и личным местоимением, и формой глагола (*Du sagst*. ‘Ты говоришь’). Случаи факультативной избыточности возникают, когда параллельно сосуществуют два варианта: с дублированным набором грамматических показателей (*Я иду*) и без лишних маркеров (*Иду*) [9, 36–37].

² Если задаться целью, вероятно, в одну фразу можно объединить все отрицательные местоимения и местоименные наречия.

³ Личные местоимения вторичного происхождения образованы от имён существительных, числительных, местоимений присоединением личного суффикса, их можно разделить на несколько семантических разрядов: а) усилительно-личные: ачим ‘я сам’, ачид ‘ты сам’, ачиз ‘он сам’, асьмеос ‘мы сами’, асьтэос ‘вы сами’, асьсэос ‘они сами’; б) счётно-личные: огнам ‘я сам’, огнад ‘ты сам’, огназ ‘он сам, она сама’, огнамы ‘мы одни’, огнады ‘вы одни’, огназы ‘они одни’ и т. д.; в) обобщённо-личные: ваньмы ‘все мы’, ваньды ‘все вы’, ваньзы ‘все они’, котькудмы ‘каждый из нас’, котькудды ‘каждый из вас’, котькудзы ‘каждый из них и др.

– в сочетании с наречиями в притяжательной форме (так называемыми послеложно-личными местоимениями), в которых на лицо и число уже указывает посессивный суффикс: *нош та жьытэ малы кэ ми пöламы* (= *пöламы*) *но-кин мöйы öз ву-ы* [12, 159] ‘А в этот вечер почему-то среди нас никого из взрослых не оказалось’;

– в координации личных форм глаголов с личными местоимениями: *Тон лыдзиськиськод* (= *Лыдзиськиськод*) ‘Ты читаешь’, *Соос лыдзиськизы* (= *Лыдзиськизы*) ‘Они читали’.

Последний случай, предикативное согласование, рассмотрим подробнее. Для анализа были отобраны шесть монологов (в таблице под нечётными номерами): *сорэвнова-н'ийэ* ‘соревнование’ (рассказ о собственном участии в районном лыжном забеге школьников) [12, 85–86], *ураган мил'ам штан'игуртын* вал ‘ураган у нас в Штанигурте был’ [11, 188–191], *зуч с'амын уг валас'кы вал* ‘по-русски [я] не понимала’ (воспоминания о детских и юношеских годах в военные и послевоенные годы) [11, 474–479], *мыно кышнойэн мужикэн...* ‘едут муж с женой...’ (быличка о встрече с лешим) [12, 96–97], *зэз'эг йыр вöс'ан* ‘жертвоприношение гусиной головы’ (респондент передаёт со слов старожилосведения об обряде) [12, 97–98], *гöршок лэс'тис'йос* ‘гончары’ (рассказ о базарах и ярмарках, где торговали гончарными изделиями) [11, 386–387]. Шесть диалогов (в таблице под чётными номерами) представлены следующими текстами: «Улон сярсы» ‘О жизни’ (фрагмент воспоминаний о военной и послевоенной жизни в деревне) [15, 223–226], «Пöртэм сям-йылольёс сярсы» ‘О разных обрядах и традициях’ (интервьюируемый сообщает сведения о посиделках молодых, национальной одежде, своей свадьбе, работе в колхозе, строительстве собственного дома) [15, 251–256], «Чыжы-выжы сям-йылольёс» ‘Внутрисемейные, внутриродовые традиции’ (собеседник повествует о «масленичных гостях» и проклятом месте) [15, 207–208], «Нюлэсмурт сярсы» ‘О лешем’ (пересказ историй односельчан, якобы встречавшихся с хозяином леса и участвовавших в обряде задабривания лешего) [15, 257–258], «Малы секытэн муртэ гондыр уг яраты» ‘Почему

медведь не любит беременных’ (о запрете беременным ходить в лес информант рассказывает со слов матери) [15, 282], «Пудоез нырысьсэ луд вылэ поттон сярсы» ‘Как весной выпускают скотину на пастбище’ (описание ежегодного обряда) [15, 257].

Проанализированные тексты разнообразны по степени участия говорящего в событиях: тексты 1–6 – рассказы информантов о случаях из своей жизни, тексты 7–12 – пересказы чужих или бытующих в народе историй, поверий. Диалоги представлены в форме опроса. В зависимости от особенностей характера информантов, обсуждаемой темы отличается и уровень вовлечённости в беседу интервьюера: меньше всего вопросов было задано в тексте 2, в котором на каждый из шести вопросов получены ответы в среднем по тридцать предложений, а в тексте 8 представлены ответы из одной-двух фраз. Анализируемые материалы различны по объёму, это видно из количества грамматических основ (см. таблицу 1). В них, в среднем, от 30 % до 50 % элементарных дискурсивных единиц представлены сказуемыми – финитными формами глагола, лишь в тексте 8 их количество составляет 73 %.

В анализируемых материалах дублетное маркирование выявлено в двусоставных клаузах со сказуемым – глаголом в изъявительном наклонении, например, *мон ворттыли пэ-рвой номэрэн, значит, с'эк аз'ло поти* ‘Я побежал под первым номером, значит, ушёл раньше всех’ [12, 85]; *со пурыс' пил'эм дотово бэргаса лыктэ* ‘Это серое облако, вихрем кружась, идёт’ [11, 188]; *ми, кон'эино, бурдйас'кыса гуртэ бэрти-мы* ‘Мы, естественно, вернулись домой окрылённые’ [12, 86], *Тü öд ни соин вырылэ ни, о-о?* [15, 253] ‘Вы этим [вышиванием, ткачеством] уже не занимались, да?»; *соос монэ ну кл'эстат', жуги-зы дотово, со картошки копам поннам* [11, 476]. ‘Они меня ну хлестали, сильно побили за ту выкопанную картошку’. Местоимение *тон* ‘ты’ в избыточном варианте встретилось лишь в побудительных предложениях.

Императивные высказывания являются неотъемлемой частью диалога. Основной формой повелительного наклонения является форма 2 лица ед. и мн. ч., побуждение непосредственно

адресуется слушателю-исполнителю, что обуславливает ситуацию прямого общения. В анализируемых текстах значение побуждения передаётся как посредством лишь глагольной словоформы: *Вералэ вал улонды сярсыс* [15, 223]. ‘Расскажите, пожалуйста, о своей жизни’, так и в сочетании с личным местоимением: *Тй асытэлэсь кырзалэ вал* [15, 232]. ‘Вы свои спойте, пожалуйста’. Также императив используется при опосредованной передаче речи: *Тон, пе, на голодный желудок эн сиськы трос* <...> [15, 226]. ‘Ты, мол, на голодный желудок много не ешь’.

В подсчёт не включены следующие случаи: а) в клаузе значение лица выражено лишь синтаксически, т. е. личным местоимением, поскольку глагольная форма не содержит указание на лицо. Например, во II прошедшем времени к форме глагола личные суффиксы 2 и 3 лица ед. и мн. ч. могут присоединяться нерегулярно [11, 74], при их отсутствии на антецедент указывает личное местоимение: *таос¹ кунуан өвёл ни мынил'л'ам²*. ‘Они (эти) в гости

уже не поехали’ [12, 97], либо субъект(ы) действия восстанавливается из контекста: [*кышнойэн мужикен*] *жынызэ гурээ'эз тубил'л'ам* <...> ‘До половины горы поднялись [муж и жена] <...>’ [12, 96];

б) безличные предложения, в которых глагол совпадает с формой 3 лица ед. ч.: *Сэре точ! да точ!, пе, вазе* [15, 282]. ‘Потом раздаётся бух! да бух! (гулкие звуки падения тяжёлых предметов)’.

Для определения избыточности маркирования грамматического лица методом сплошной выборки из текстов были выделены двусоставные клаузы, односоставные, неполные фразы со сказуемым, выраженным финитным глаголом. Степень избыточности определялась соотношением количества двусоставных предложений к общему числу синтагм, предикативной вершиной которых является глагол в личной форме. Для наглядности даётся число синтаксических единиц по каждой маркировке грамматического лица.

Таблица 1

Избыточность маркировки грамматического лица
(проценты по каждому тексту отдельно и общий процент)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Всего
Количество грамматических основ в тексте	40	272	109	330	150	88	18	37	30	61	40	16	1191
Количество анализируемых основ	15	128	33	159	77	44	5	27	9	30	9	8	544
Количество односоставных и неполных предложений, в т. ч. с глаголами в форме:	9	56	22	119	46	40	4	26	9	24	7	6	368
1 л. ед. ч.	4	21	7	18	22	-	-	2	1	-	-	-	75
2 л. ед. ч.	-	-	1	10	2	2	1	1	-	-	-	2	19
3 л. ед. ч.	-	3	-	3	-	3	1	7	2	8	-	2	29

¹ Указательное местоимение таос ‘эти’ выступает в роли личного местоимения 3 лица мн. ч., отмечая близость антецедента к говорящему и его собеседнику.

² В данном случае форма глагола указывает лишь на то, что это не 1 лицо.

1 л. мн. ч.	4	8	6	15	5	6	-	1	-	4	-	-	49
2 л. мн. ч.	-	2	-	21	-	3	-	-	-	-	-	1	27
3 л. мн. ч.	1	22	8	52	17	26	2	15	6	12	7	1	169
Количество двусоставных предложений, в т. ч. с местоимениями:	6	72	11	40	31	4	1	1	0	6	2	2	176
<i>мон</i> 'я'	4	33	7	17	22	-	-	-	-	2	1	1	87
<i>тон</i> 'ты'	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
<i>со</i> 'он, она'	1	11	-	5	3	-	-	1	-	3	-	-	24
<i>ми</i> 'мы'	1	14	2	9	4	3	-	-	-	-	-	-	33
<i>тй</i> 'вы'	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	1	6
<i>соос (таос)</i> 'они'	-	10	2	4	2	1	1	-	-	1	1	-	22
Грамматическая избыточность (%)	40%	56%	33%	34%	67%	10%	20%	4%	0%	20%	22%	25%	32 %

Итак, исходя из полученных данных, можно сделать предварительное заключение, что уровень плеоназма грамматического лица в устном дискурсе удмуртского языка составляет примерно 30–40 % (в таблице – 32 %)¹. В удмуртском, как и в других языках, дублирование облегчает восприятие информации в режиме реального времени, помогает сосредоточить внимание слушателя на объекте повествования. Кроме того, грамматическая избыточность в исследуемом ракурсе служит для расстановки определённых точек опоры устного дискурса. Так, максимальное число дублированного маркирования лица (от 33 % до 67 %) демонстрируют рассказы автобиографического характера, в которых говорящий представляет себя как центр повествования: он описывает явления, события, личные эмоциональные состояния. Иными словами, в эго-жанрах «представлена постоянная референциальная соотнесённость содержания с говорящим лицом» [20, 82]. Собеседник-интервьюер отражён явно в диалогах. В монологах он присутствует имплицитно, на его

участие в беседе указывают некоторые фразы собеседников-рассказчиков, например: *ти тин'*, *помайагэ вуылим, шукод, а золотарийаз то-жо* 'Вы вот, говоришь, в Помайаге побывали, и в Золотари тоже', *майэ мэда мон тил'эд мачком?* 'О чём же мне вам рассказать?' [11, 115, 213]. Также вопрос исследователя может быть продублирован респондентом: *ал'и со гёршокэз ма-ль уг лэ-с'то, ма-ль быриз со гёршок лэс'тон? сойзэ вэрань мон уг бь-гатис'кь.* 'Сейчас эти горшки почему не делают, почему прекратилось это гончарное дело? На это я ответить не могу' [11, 387].

В описаниях, в которых рассказчик является либо наблюдателем, либо пересказчиком, преобладают односоставные клаузы, избыточность может даже отсутствовать² или доходить лишь до 20 %. Таким образом, степень избыточности зависит от темы разговора и жанра повествования.

В анализируемых текстах количество словоупотреблений каждого личного местоимения разное. Полученные данные продемонстрированы ниже.

¹ Статистических обследований текстов на разных языках показывают, что на уровне морфологии мера избыточности может составлять 50–60 % [5, 78].

² Вероятно, в данном случае сошлись несколько факторов: явное неучастие рассказчика в событиях, отсечение записывающим лишнего контекста, поскольку в пересказе информанта важна была сама быличка.

Избыточность употребления личных местоимений в двусоставных клаузах

	мон 'я'	тон 'ты'	со 'он, она'	ми 'мы'	тй 'вы'	соос 'они'
Количество анализируемых основ	162	23	53	82	33	191
Количество двусоставных основ	87	4	24	33	6	22
Грамматическая избыточность (%)	54 %	17 %	45 %	40 %	18 %	12 %

На основе проведённого исследования можно сделать вывод, что наиболее частотны местоимения 1 лица ед. и мн. ч. – 54 % и 40 % соответственно. Связано это, на наш взгляд, с тем, что в устном дискурсе субъект речи стремится сфокусировать внимание слушающего на себе. По мнению этнографов, особенность «речевого поведения удмуртов, имеющую отношение к постулату вежливости, можно охарактеризовать как некоторую отстраненность личного «я» собеседников, стремление не выражать громко и открыто свои эмоции» [17, 180]. По нашим данным, речь избыточна местоимениями 1 лица примерно на 50 %. Таким образом, в устном дискурсе нет чрезмерного подчёркивания «Я», но и нивелирования субъекта речи также не происходит.

Следующими по частотности оказались местоимения 3 лица ед. и мн. ч. Они используются для удержания нити повествования, постоянно напоминая, отсылая к объекту речи. Данный факт отмечен и другими исследователями: «в текстах устной разговорной речи длительный «интервал» между антецедентом и соотносимым с ним словом невозможен <...> в силу спонтанного порождения высказываний и необходимости их восприятия на слух» [18, 195].

Дублетное употребление в речи местоимений 2 лица ед. и мн. ч. напрямую зависит от диалогической или монологической формы устного дискурса. Данная особенность референции представлена в таблице 3.

Избыточность употребления личных местоимений в двусоставных предложениях в монологах и диалогах

	мон 'я'	тон 'ты'	со 'он, она'	ми 'мы'	тй 'вы'	соос 'они'
Количество анализируемых основ в монологе	68	4	7	22	0	48
Количество двусоставных основ в монологе	34	0	4	7	0	7
Грамматическая избыточность в монологе (%)	40 %	0 %	57 %	32 %	0 %	15 %
Количество анализируемых основ в диалоге	94	19	46	60	33	144
Количество двусоставных основ в диалоге	53	4	20	26	6	16
Грамматическая избыточность в диалоге (%)	56 %	21 %	43 %	43 %	18 %	11 %

В монологах обращённость к собеседнику (человеку, ведущему запись беседы) отсутствует. Все четыре случая употребления личной формы глагола во 2 лице входят в состав реплик

персонажей рассказов. В диалогах, наоборот, важна связь между партнёрами, местоимения *тон 'ты'* и *тй 'вы'* используются в уточнениях, в вопросах, выдвигая собеседника на первый

план, тем самым подчёркивается значимость визави и даётся импульс для продолжения разговора.

Обсуждение и заключение

В системе современного удмуртского языка грамматическая категория лица может быть представлена двукратным маркированием. Обязательная избыточность проявляется в предложениях, в которых в качестве подлежащего выступает личное местоимение вторичного происхождения. В этом случае опустить местоимение без изменения семантики синтагмы невозможно. Иная ситуация с собственно-личными местоимениями. Их можно изъять из предложения без ущерба для значения, поскольку личная форма глагола в роли сказуемого указывает и на субъекта действия (процесса). Тем не менее, показатель грамматического дублирования лица в устном дискурсе удмуртского языка составляет примерно 30–40 %. Грамматическая редупликация связана с присутствием имплицитного или реального собеседника, она способствует более легкому восприятию информации в реальном времени и позволяет слушателю сосредоточить внимание на важных элементах высказывания. Кроме того, грамматическая избыточность выполняет функцию установки определённых опорных точек в устном дискурсе. Степень избыточности зависит от темы

разговора и жанра повествования. В частности, наибольшее количество намеренного повтора с указанием на говорящего наблюдается в автобиографических описаниях, где автор позиционирует себя в качестве центральной фигуры повествования. В других жанрах речи дублетная отсылка к 1 лицу гарантирует субъекту коммуникации, что он остаётся центром в межличностной коммуникации. Избыточность местоимений 3 лица служит для последовательности, устойчивости хода повествования. Наименьший уровень редупликации, от нулевого до 20 %, представлен в текстах, где рассказчик является пересказчиком либо пассивным наблюдателем.

Частотность плеонастического употребления собственно-личных местоимений в разных типах устного дискурса демонстрирует закономерную картину. Грамматическая избыточность местоимений 2 лица обнаруживается лишь в диалогах. Обращение к собеседнику создаёт доверительную атмосферу для продолжения диалога или направления разговора в нужном русле.

Полученные результаты являются первым шагом в изучении избыточности личных местоимений в речи. В дальнейшем предстоит исследовать общую картину двойного маркирования лица в предикативном согласовании, изафетных конструкциях и наречных словосочетаниях.

Список сокращений

ед. ч. – единственное число, мн. ч. – множественное число.

Список источников и литературы

1. Брагина Н. Г., Шаронов И. А. Плеоназм и тавтология как разные формы избыточности текста // Мир лингвистики и коммуникации. 2023. № 72. С. 112–125.
2. Воейкова М. Д. Предисловие // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. С. 7–8.
3. Воейкова М. Д. Избыточность в системе языка и разные формы её проявления // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. С. 9–21.
4. Грудева Е. В. Избыточность текста: история вопроса и методика исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 106–114.
5. Грудева Е. В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. С. 73–89.
6. Гуреев В. А. Основы теории языкового эгоцентризма: истоки, эволюция, современное состояние. М.: РУСАЙНС, 2023. 116 с.
7. Гуренков А. А. Языковая избыточность как средство для достижения целей коммуникации в модели «носитель-неноситель» // Современный учёный. 2022. № 4. С. 98–103.
8. Емельянова В. Ижысь винтовка – 55 (Ижевская винтовка – 55) // Удмурт дунне. URL: <https://udmdunne.ru/gubrics/sport/585558-izhys-vintovka-55/> (дата обращения: 07.01.2025).
9. Жукова Н. С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспектах (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 5 (56). С. 35–42.

10. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. 338 с.
11. Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 581 с.
12. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с.
13. Кибрик А. А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. М.: Институт психологии РАН, 2006. Вып. 1. С. 138–158.
14. Кузьмина И. В. Феномен языковой избыточности // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. С. 142–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-izbytochnosti/viewer>. (дата обращения: 21.04.2024).
15. «Ми ум вераське – лул-сюлэм вера...» = «Не мы говорим – душа говорит...» / сост. и отв. ред. Т. И. Панина, Е. В. Ложкина. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2023. 476 с.
16. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / отв. ред. К. Редди. М.: Наука, 1974. 484 с.
17. Поздеева И. П., Трофимова Е. Я. Троянов В. И. Национально-культурная специфика постулатов речевого общения удмуртов // Традиционное поведение удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 171–182.
18. Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения такой в устной разговорной речи // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. С. 184–224.
19. Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. 238 с.
20. Яковлева Е. В. Особенности референции личных местоимений в устном дискурсе // Актуальные проблемы романской филологии. Сб. ст. Междун. науч. конф. Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2023. С. 80–84.
21. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p.
22. Fillipova O. Convergence of stylistic device as a category of redundancy // Scienceproblems.uz. 2023. Vol. 3. № S/2. Pp. 269–278. DOI: 10.47390/B1342V3SI2Y2023N36.
23. Kel'makov V., Hännikäinen S. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Saarijärvi: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 319 p.
24. Leufkens S. Measuring redundancy: the relation between concord and complexity // Linguistics Vanguard. 2023. 9 (s1), pp. 95–106. doi.org/10.1515/lingvan-2020-0143.
25. Winkler Eberhard. Udmertische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 181 p. (Veröffentlichungen der societates Uralo-Altaica. Band 81).

References

1. Bragina N. G., Sharonov I. A. *Pleonazm i tautologiya kak raznye formy izbytochnosti teksta* [Pleonasm and tautology as different forms of text redundancy]. *Mir lingvistiki i kommunikacii* [World of Linguistics and Communication], 2023, no. 72, pp. 112–125. (In Russian)
2. Voeykova M. D. *Predislovie* [Preface]. *Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka* [Redundancy in the grammatical structure of the language]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2010. Pp. 7–8. (In Russian)
3. Voeykova M. D. *Izbytochnost' v sisteme yazyka i raznye formy ee proyavleniya* [Redundancy and its variants in the system of language]. *Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka* [Redundancy in the grammatical structure of the language]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2010. Pp. 9–21. (In Russian)
4. Grudeva E. V. *Izbytochnost' teksta: istoriya voprosa i metodika issledovaniya* [Redundancy of text: history of the issue and research methodology]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 59, pp. 106–114. (In Russian)
5. Grudeva E. V. *Izbytochnost' yazyka i izbytochnost' teksta: nekotorye razmyshleniya* [Language and text redundancy: some ideas]. *Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka* [Redundancy in the grammatical structure of the language]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2010. Pp. 73–89. (In Russian)
6. Gureev V. A. *Osnovy teorii yazykovogo egocentrizma: istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie* [Fundamentals of the theory of linguistic egocentrism: origins, evolution, current state]. Moscow: RUSAJNS Publ., 2023. 116 p. (In Russian)
7. Gurenkov A. A. *Yazykovaya izbytochnost' kak sredstvo dlya dostizheniya celej kommunikacii v modeli "nositel'-nenositel'"* [Linguistic redundancy as a means to achieve communication goals in the 'native speaker-non-native speaker' model]. *Sovremennyj uchenyj* [Modern Scientist], 2022, no. 4, pp. 98–103. (In Russian)
8. Emelyanova V. *Izhys' vintovka – 55* [Izhevsk rifle – 55]. *Udmurt dunne* [Udmurt World]. Available at: <https://udmdunne.ru/rubrics/sport/585558-izhys-vintovka-55/> (accessed January 07, 2025). (In Udmurt)
9. Zuhkova N. S. *Yazykovaya izbytochnost' v sinhronnom i diahronnom aspektah (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov)* [Linguistic redundancy in synchronic and diachronic aspects (based on the material of the German and

- Russian languages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2006, no. 5 (56), pp. 35–42. (In Russian)
10. Zvegintsev V. A. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967. 338 p. (In Russian)
11. Karpova L. L. *Srednechepeckij dialekt udmurtskogo yazyka: Obrazcy rechi* [Central Chepts dialect of the Udmurt language: Speech samples]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2005. 581 p. (In Udmurt, Russian)
12. Kelmakov V. K. *Obrazcy udmurtskoj rechi. Severnoe narechie i sredinnye govory* [Samples of Udmurt speech. Northern dialect and Middle subdialects]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1981. 300 p. (In Udmurt, Russian)
13. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. *Problema segmentacii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryashchego* [The problem of segmentation of oral discourse and the cognitive system of the speaker]. *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive Research]. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2006. Vol. 1. Pp. 138–158. (In Russian)
14. Kuzmina I. V. *Fenomen yazykovej izbytochnosti* [Phenomenon of linguistic redundancy]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2011, pp. 142–147. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-izbytochnosti/viewer>. (accessed April 21, 2024). (In Russian)
15. “*Mi um veras’ke – lul-syulem vera...*” = “*Ne my govorim – dusha govorit...*” [We don’t speak – the soul speaks...]. Comp., ed. T. I. Panina, E. V. Lozhkina. Izhevsk: UdmFIZ UrO RAN Publ., 2023. 476 p. (In Udmurt)
16. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov)* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of Finno-Ugric languages)]. Ed. K. Redei. Moscow: Nauka Publ., 1974. 484 p. (In Russian)
17. Pozdeeva I. P., Trofimova E. Ya., Troyanov V. I. *Nacional’no-kul’turnaya specifikha postulatov rechevogo obshcheniya udmurtov* [National and cultural specificity of the postulates of speech communication of the Udmurts]. *Tradicionnoe povedenie udmurtov* [Traditional behavior of the Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1992. Pp. 171–182. (In Russian)
18. Satyukova D. N., Voeykova M. D. *Osobennosti funkcionirovaniya mestoimeniya takoy v ustnoj razgovornoj rechi* [Specifics of functioning the pronoun *takoy* ‘such’ in the spoken Russian language]. *Izbytochnost’ v grammaticheskom stroe yazyka* [Redundancy in the grammatical structure of a language]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2010. Pp. 184–224. (In Russian)
19. Strelkova O. B. *Imena chislitel’nye udmurtskogo yazyka. Istoriya i tipologiya* [Numerals of the Udmurt language. History and typology]. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskij universitet Publ., 2013. 238 p. (In Russian)
20. Yakovleva E. V. *Osobennosti referencii lichnyh mestoimenij v ustnom diskurse* [Features of the reference of personal pronouns in oral discourse]. *Aktual’nye problemy romanskoj filologii. Sb. st. Mezhdun. nauch. konf.* [Current problems of Romance philology. Collection of scientific articles of the International Scientific Conference]. Minsk: Minskij gos. lingvisticheskij universitet Publ., 2023. Pp. 80–84. (In Russian)
21. Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p. (= MSFOu 238). (In Finnish)
22. Fillipova O. Convergence of stylistic device as a category of redundancy. *Scienceproblems.uz*, 2023, no. 3 (S/2), pp. 269–278. DOI: 10.47390/B1342V3SI2Y2023N36. (In English)
23. Kelmakov V., Hännikäinen S. *Udmurtin kielioppia ja harjoituksia*. Saarijärvi: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 319 p. (In Finnish)
24. Leufkens S. Measuring redundancy: the relation between concord and complexity. *Linguistics Vanguard*, 2023, no. 9 (s1), pp. 95–106. DOI: 10.1515/lingvan-2020-0143. (In English)
25. Winkler Eberhard. *Udmertische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 181 p. (+7) (Veröffentlichungen der societates Uralo-Altaica. Band 81). (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пантюхина Татьяна Владимировна, заведующий отдела библиотечных и архивных фондов, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского ФИЦ Уральского отделения РАН (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), соискатель кафедры финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО УдГУ.

tatyanatudvu@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0008-0260-0313

ABOUT THE AUTHOR

Pantuykhina Tatyana Vladimirovna, Head of the Department of Library and Archival Collections, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426034, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Lomonosov Str., 4), Postgraduate Student, Department of Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University.

tatyanatudvu@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0008-0260-0313